

А.И.Клепайло
ПОДГОТОВКА УЧЕНИКОВ В МАГАРАЧСКОМ УЧИЛИЩЕ
ВИНОДЕЛИЯ В 30-50 ГГ. 19-ГО ВЕКА

Язык документов свидетельствует о том, что генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабии граф М.С.Воронцов поручил, а директор Императорского Никитского сада Николай Гартвис разработал и изложил в рапорте №41 от 24 апреля 1828 года план устройства особого заведения для выращивания и распространения желающим лучших сортов винограда и опытов по выделке вина [1]. Новое дело, бесспорно, обсуждалось ими сообща и отцов-основателей у НИВиВ «Магарач», ныне отмечающего свое 180-летие, двое.

Ученики были в Никите еще при первом директоре Х.Стевене. В 1819 г. он, жалуясь на крайний недостаток рабочих рук, пишет, что у него только 3 ученика, прикомандированных из Судакского училища, и несколько учеников, присланных помещиками [11,8]. Поскольку на месте желающих учиться садовому искусству не было (татары неохотно шли в работы по найму), хлопотами Х.Стевена 22 января 1823 года в Никиту прибыли 10 подростков из Киевского военно-сиротского дома. Для надзора за ними и обучения их грамоте в том же году в Сад был прикомандирован унтер-офицер Черноморского флота Автоном Яковлев. Позже его сменил Степан Семенов, унтер-офицер Люблинского егерского полка, который служил бесспорочно до увольнения по выслуге лет.

С появлением Н.Гартвиса все необходимое для учеников было определено распоряжением Воронцова: паек муки, одежда и деньги «на приварок» (25 – малолетним, 50 рублей в год взрослым).

С созданием Магарачского заведения ученики передавались в его ведение и должны были обучаться «посадке и особливо обрезке винограда во всяком возрасте его, со второго года его по самое время полного плодородия его. Так как обрезка сия производится по разным правилам, также разные сорта винограда по различному образу роста, раннему или позднему плодородию их, требуют различный образ подрезки, то в сих сведениях должно полагать главное искусство виноградаря...» Гартвис предлагал также увеличить их количество до 15 человек из числа воспитанников Киевского и других воспитательных домов [1,1].

Согласно этому плану в декабре 1828 года в Никиту были доставлены «12 малолетних учеников (от 11 до 13 лет) из воспитанников Воронежского приказа общественного призрения для обучения их виноградарству и виноделию, которые по окончании ими 15-летнего срока учения имеют быть выпущены на собственное пропитание, дабы снабдить край виноградарями и виноделами» [7,57].

В исходящих бумагах Сада в первые годы существования училища ученики упоминаются в основном в обращениях Гартвиса в Таврическую казенную экспедицию с напоминанием выделить деньги для заготовки для них провианта, а также в связи с необходимостью нанять солдат для зимней

обработки земли ввиду их малолетства. Однако к тому времени подросли ученики призыва 1823 года и некоторые из них сполна проявляли характер, доставляя немало неприятностей директору.

Так, Гартвис в ответ на запрос Симферопольской градской полиции сообщал в 1838 г.: «Находящийся под судом Владимир Прокофьев из воспитанников Киевского военно-сиротского дома прибыл 22 января 1823 года, побыл до 1830, вместе с другими тогда малолетними учениками на новом баркасе, выстроенном мною для перевоза казенных вещей морем, который им и товарищем его, увезен. Отроду ему (Владимиру Прокофьеву 33 года)», сделав приписку на полях: «о котором известно по исследованиям, сделанным от губернского начальства».

Воспитанники сиротских домов, без сомнения были трудным контингентом, но кроме этих невольников, учить было некого, и конфликты были неизбежны.

Так было и в 1834 году, чрезвычайно напряженном для Гартвиса. Строился винный погреб, а материалы и рабочая сила сильно вздорожали, как и провизия ввиду прошлогоднего неурожая зерновых в России. Гартвис не укладывался в смету. На опытных участках вокруг Магарачского виноградника было посажено 236 тысяч кустов винограда, и это тоже была его работа, так как владельцы участков были людьми неопытными. В штате Магарачского училища тогда отсутствовал виноградный садовник и винодел, так что сезон виноделия ему тоже пришлось проводить самому с вольнонаемными рабочими. Помощником виноградного садовника был оформлен старший ученик Николай Петров [7,58].

Но Гартвиса ждало еще одно испытание: письмо от надзирателя ялтинской таможенной заставы Суходольского и заседателя Деклеиза, изложивших жалобу учеников Магарачского училища. Гартвис обвинялся в телесных наказаниях, ограничении свободы, не оказании помощи в немощи, принуждении их к тяжкому труду без выходных. Ученики жаловались также на скучное питание.

В документах Сада за 1834 год текст жалобы отсутствует, приведена лишь объяснительная записка Гартвиса Суходольскому и Деклеизу за №59 от 8 сентября 1834 года [5,15-17]. Она дает представление о том, насколько трудной была стезя второго директора Сада, которому приходилось быть ученым, хозяйственником-коммерсантом и воспитателем трудных подростков, которые, похоже, сопротивлялись любому принуждению. Обстоятельный ответ «на чинение им будто бы по распоряжениям моим угнетения чести» выдает все признаки душевного волнения директора: буквы крупные, неровные, есть исправления и вставки на полях.

Работа учеников, - пишет он, ввиду их малолетства заключалась в прополке, «очищении школок и напускании их водой», подвязке и обломке лоз. В течение дня устраивались три перерыва на отдых. В воскресенье, выходной день, устраивались часовые уроки грамотности под присмотром одного старшего ученика. Кроме солдатского пайка ученики получали постное масло, сало и овощи из Никиты. Каждый из них получал деньги на «приварок» 50 рублей в

год. Для отправки заболевших в Симферополь в больницу Гартвис, по его словам, «никогда собственных своих издержек не жалел». В Никите же их лечили его знакомые лекари, в частности, упоминается доктор Розовский.

Ученики, по словам директора, были малоспособны. Да и послушанием не отличались. К примеру, один ученик мог отсутствовать ночью, а утром не выйти на работу, сказавшись больным. В выходной день ученики могли уйти в Ялту без спросу, «и не для того, чтобы молиться Всевышнему Творцу, а для гуляния и шалостей, за что и наказаны, как долг того велел», - негодовал директор. Он сообщал также, что были наказаны розгами за кражу фруктов в саду Степан, Куприян и Василий, «а Панфил, Тихон, Дмитрий и Силуян никогда не были телесно наказаны». В другой раз учеников выпороли в отсутствие Гартвиса ввиду жалоб садовников Гуле и Пюже. Сам же директор использовал только «чувствительное нравоучение» [2, 15-17].

В рапорте генерал-губернатору Воронцову Гартвис просит удалить из Никиты зачинщиков беспорядка Николая Григорьева и Михайлу Петрова. Видимо, не желая, чтобы у графа Воронцова сложилось негативное мнение о всех воспитанниках, Гартвис вскоре посыпает тому наблюдения за погодой, сделанные учениками. Из дальнейших записей видно, что двух нерадивых учеников отправили в Симферополь, в губернское управление. Там долго не знали, что с ними делать, а потом вернули в Никиту.

В воспитательных целях Гартвис стал приглашать по воскресеньям из Ялты священника. Его беседы слушали также вольнонаемные работники, о чем свидетельствует «Именной список казенным служителям и ученикам, которые исповедовались» за №16 1837 года. Трудно судить, насколько регулярными были посещения священника, однако они продолжались все годы директорства Гартвиса. В год его кончины (1860) жалование священнику – 150 рублей в год входило в смету расходов по Магарачу.

В 1838 году были выпущены первые восемь учеников. Николай Петров, 34 лет, отец 4 детей, получил свидетельство об окончании Магарачского училища с пометкой «наилучшему». К этому времени он уже был зачислен в казенные служители Сада. Свидетельство об окончании училища представляло собой скорее характеристику ученика, что дает основание говорить о чисто практическом обучении:

«Свидетельство Данилу Евдокимову

Предъявитель сего уволен по выслуге узаконенных 15 лет из звания ученика казенного училища садоводства на собственное пропитание.

Поступил 1823 года 22 января в Императорский Никитский сад учеником, где и обучался по части садового искусства, а именно разведению фруктовых дерев и кустарников и винограда, поведение его было всегда добропорядочным и похвальным. Отроду ему Данилу Евдокимову тридцать второй год, женат, детей не имеет.

Удостоверение дано ему за подписью моей с приложением казенной печати Имп. Никитского Сада.

Дир. И. Ник. Сада тит. сов. и кавалер Н.Ф.Г.» [4, 13].

Получил свидетельство и Степан Пименов, который осенью 1836-го и весной 1837-го годов вместе с Данилой Евдокимовым «были откомандированы для надзора и производства садовых работ при Императорском Бахчисарайском дворце для разведения цветников при оном, и при исполнении этого поручения получили денежное содержание в 200 рублей». Степан Пименов участвовал в первой научной экспедиции на Кавказ с лесничим Иеншем в 1838 году, «на Абхазском берегу, в Мингрелии и Имеретии старательно собирая многие деревца, растения и семена», - отметил директор в свидетельстве, выданном этому ученику [4, 22].

Вслед за этим знаменательным в жизни училища событием последовало прямо противоположное – 20 мая 1838 года был препровожден в Ялту с кордонным офицером Куприян Иванов. Он «украл у ученика Кирилла Панфнутьева новый суконный сертук, стоящий 50 руб., и у ученика Михайлы Петрова таковой же, стоящий 40 руб., а у татарина дер. Никиты Ресула – лошадь, каковую он бросил по дороге из Ялты в Узенбаше, потом пойман в Симферополе и отправлен в Никиту, ушел от провожатых татар, вторично пойман в Евпатории, откуда доставлен к зиме» [4,19].

Все это директор записал в журнале и сообщил М.С.Воронцову. По распоряжению генерал-губернатора Куприян Иванов был исключен из училища. В другом письме патрону Николай Гартвис сетовал, что из 10 учеников, присланных из Киевского воспитательного дома, только четверо достигли 16 лет, остальным – по 12-14, «почему и нельзя ожидать настоящей пользы» [4,22].

Земля постоянно требовала рабочих рук, наемных рабочих раздобыть было трудно, так что на учеников рассчитывали в первую очередь как на физическую силу. Но те из них, кто выказывал усердие, имели шанс на индивидуальный подход и обучение. Об этом говорят тексты свидетельств, выданных ученикам. Панфил Иванов провел пять месяцев (с ноября 1839 г. по март 1840 г.) во второй экспедиции (общим сроком год и семь месяцев) с садовником Витманом [10,21].

С малых лет жизнь не была ласковой для воспитанников приютов, поэтому отдельные противостояния между директором и учениками были неизбежны. В 1840 году ученики опять доставляли неприятности директору. 17 августа Гартвис пишет в ялтинскую полицию о том, что узнал о своевольных отлучках учеников и просит полицейских «строго наблюдать...взять под стражу, буде кто замечен в пьянстве, буйстве; дать мне знать» [6,20].

Вскоре после обращения Гартвиса в полицию Михайло Петров пожаловался на директора все тому же надзирателю Деклеизу. Во второй объяснительной Гартвис откровенно указывает, что этот ученик «никогда не оказывал ни малейшей охоты к изучению садоводства», что он – «бесполезный человек», имеет «дурные, развратные склонности», уклоняется от труда, к садоводству не может быть способен ввиду физического недостатка – он одноглаз.

Гартвис сообщает, что дважды в 1835 году просил о его отчислении, но безуспешно; пытался пристроить этого ученика к доктору Розовскому ходить за

больными, по примеру устройства другого неспособного к физической работе ученика к цирюльнику. По тону письма заметно, что Гартвис смирился с неизбежностью терпеть эту патологическую личность [6, 25-27]. У него не было выхода, ведь высочайше утвержденное «Положение о воспитании солдатских сирот» от 26 января 1839 года предписывало содержать их до 20 лет. Зачастую и по достижении этого срока уйти ученикам было некуда. Так, Евстафий Иванов поступил в обучение в 1838 году из Киевского воспитательного дома. В 1890 году он еще работал, но в садовники так и не вышел.

В 1842 году при Магарабском училище были открыты высшие курсы по виноградарству и виноделию для лучших выпускников Главного училища садоводства в Одессе «для окончательного и практического образования в садоводстве и виноделии с целью управлять впоследствии, по выходе из заведения, большими частными виноградниками и садами и вводить необходимые улучшения в виноделии и садоводстве» [11,38]. Срок их учебы был определен в четыре (виноделы) и два (садовники) года.

Создание второго звена в обучении было важным этапом развития училища, ведь наряду с так называемыми учениками-работниками здесь стали готовить отечественных квалифицированных специалистов для постепенной замены ими иностранных. Образованные молодые люди, видимо, способствовали оздоровлению атмосферы среди младших учеников – им было за кем тянуться.

Следует упомянуть о «ложке дегтя» в адрес Гартвиса со стороны весьма уважаемого ученого, основателя Харьковского университета Каразина, в 1842 году командированному Департаментом государственных имуществ на сезон виноделия в Магараб проводить эксперимент по применению спирта при выделке вина. Осень выдалась холодной и влажной, он простудился, порядки в Магарабе ему не понравились. В письме в Департамент государственных имуществ он возмущается первобытным оборудованием и тем, что ученики заступами обрабатывают землю вместо учебы; отмечает большие виноградники и малое количество вырабатываемого вина. Главная причина, на его взгляд, в том, что в Саду нет русских специалистов, а на должность виноградного садовника опять приглашен саксонец [13, 667-668]. Следует сказать, что десертные и ликерные вина, принесшие славу Магарабу, делались из увяленного винограда (потерявшего в массе) и обходились вчетверо дороже.

В 1845 году 10 сентября двое учеников Магарабского училища были отвезены в Ялтинский городской суд. Их проступок не объясняется. В отсутствие директора исполняющему его обязанности главному садовнику Деннерту, а затем – главному виноделу Франциску Гаске, видимо, было трудно справляться с учениками. Гартвис вернулся 14 сентября после полугодового отсутствия (был в Петербурге, вероятно, у Воронцова перед отъездом того на Кавказ. Затем поехал в на родину в Лифляндию, где заболел и задержался).

В 1848 году в Магарабском училище получили новую инструкцию от 1847 г. для садовых заведений 2-го класса согласно которой «ученики наукам не обучаются, но для них по мере средств могут быть устраиваемы воскресные

уроки грамотности». В Магараче в ответ разработали собственную инструкцию, по которой с 1849 года принимались на 4-летнее обучение грамотные подростки 16-22 лет. Это были так называемые «своекоштные ученики», за которых родители платили 50 рублей в год. Им гарантировалось полное обеспечение, обучение Закону Божьему, русской грамоте, 4 правилам арифметики, виноградарству и писанию названий виноградных лоз [12,16]. Инструкция из Петербурга о преподавании общеобразовательных предметах в училищах была получена только в 1852 году. Таким образом, в Магараче опережали общепринятые требования к обучению и по мере развития виноградарства старались перейти от принудительного обучения к добровольному. Немногочисленным служащим это прибавляло забот - обучение целиком ложилось на плечи директора, садовников, винодела, а также письмоводителя и бухгалтера Вашмана.

5 июля 1850 года Гартвис отправил письмо начальнику Херсонского окружного управления о том, что феодосийский подвозчик мусульманин Абдул Фет Сабыт-оглы доставил в Никиту двух крестьянских мальчиков - Анастасия Сербуленко и Тимьяна Щербаченко [8,38]. Анастасий Сербуленко проявил большое усердие в учебе, с 1858 года был принят в штат Магарача. Он стал первым ученым виноградарем и виноделом, получившим образование в Магараче и успешно продолжившим сортознание винограда, начатое Гартвисом. Благодаря обширной коллекции винограда и отработанной директором методике наблюдения за сортами Сербуленко за первые 13 лет самостоятельной работы удалось описать 199 сортов винограда, в то время как Гартвису на описание 79 сортов понадобился 31 год [14, 199].

1850-е годы по многим статьям были неблагоприятны для Магарача. Виноградники пострадали очень суворой зимой 1849-50 гг., в 1852-54 гг. нагрянула болезнь винограда оидиум, которую не знали, как лечить. Болезнь представляла особую опасность для Никитского сортимента лоз, где каждый сорт был представлен одним экземпляром. И все же Гартвису удалось выстроить новый виноподвал с наземным помещением и крытой площадкой для приема винограда.

В результате Крымской войны 1853-1856 гг. были прерваны научные контакты и обмен посадочным материалом с Европой. Прекращение сбыта вина в Крыму ввиду военных действий и, как следствие, отсутствие средств для найма рабочих привели к запустению плантаций. Но образование в училище продолжало развиваться. В 1857 году состоялся очередной выпуск учеников. С этого же времени здесь стали собирать все сведения о выпускниках, что дало возможность впоследствии собрать обширные статистические данные, характеризующие спрос на специалистов (1890).

Все направления программы-максимум, разработанные Гартвисом в рапорте №41 в 1828 году, ему удалось воплотить в жизнь. Та интеллектуальная среда, которую создал М.С.Воронцов, взрастила немало исторических личностей. В их число вошел и Николай фон Гартвис, основатель первого в Российской империи научного центра по виноградарству и виноделию, передавший своим ученикам энергию созидания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гартвис Н. Рапорт генерал-губернатору Новороссийского края гр. М.С.Воронцову № 41 от 24 апреля 1828 г. (ксерокопия, без номера). Машинопись. – Архив НИВиВ «Магарач».
2. Архив Национального научного центра - Никитский ботанический сад (АННЦ-НБС). Ф.1. Оп. 1. 1834. Ед. хр. 100. Исходящий журнал 1834...
3. АННЦ-НБС. Ф. 1. Оп. 1. 1837. Ед. хр. 112. Отчетный доклад 1837 г.
4. АННЦ-НБС. Ф.1. Оп. 1. 1838. Ед. хр. 118. Журнал исходящих бумаг по Никитскому Саду и Магарачскому училищу виноделия.
5. АННЦ-НБС. Ф.1. Оп. 1. 1839. Ед. хр. 123. Переписка по вопросам финансирования Сада.
6. АННЦ-НБС. Ф.1. Оп. 1. 1840. Ед. хр. 129. Исходящие бумаги Никитского Сада и Магарачского училища виноделия...
7. АННЦ-НБС. Ф.1. Оп. 1. 1845. Ед. хр. 159. Исходящие бумаги Никитского Сада и Магарачского училища виноделия.
8. АННЦ-НБС. Ф.1. Оп. 1. 1850. Ед. хр. 189. Исходящие бумаги Никитского Сада и Магарачского училища виноделия...
9. Гартвис Н. О заведении и нынешнем состоянии Магарачского училища виноделия. – «Магарач». Виноградарство и виноделие, 2007, №1-2. С. 57-59.
10. Галиченко А.А. Из Крыма на Кавказ //Пилигримы Крыма. Осень-98. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Межд. науч. конф. Симферополь: Крымский Архив, 1998. – С.20-28.
11. Токарь А.Е. Страницы истории плодово-ягодного виноделия // «Магарач». Виноградарство и виноделие, 2007, №3. – С.38.
12. Щербаков М. Императорский Никитский Сад. Истор. очерк// Записки Импер. Никитского Сада. Вып.5, 1913. – С.1-24.
13. Каразин В.Н. Беспристрастным взглядом на южный берег Тавриды (Магарачское казенное заведение). – Русская старина, 1872, 5. С. 661-669 //Я смело могу стать перед судом потомков...Харьков: Майдан, 2004. – С.202-203.
14. Цабель Н.Е. Виноградные сорта по областям (с прибавлением замечаний гл. винодела А.П.Сербуленко). Симферополь. Типогр. Спиро, 1871.